

Званный ужин

Мальта

18+

Мальта . Званный ужин

<https://litres.ru/74624342>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лиза и Дима разводятся. Квартиру делят тяжело, и Лиза предлагает мужу компромисс: старый бабушкин дом в деревне — вместо её доли. Они едут посмотреть. Дом крепкий, мебель на месте, всё как будто ждёт хозяев.

Они решают остаться на ночь.

А утром Лиза просыпается и видит на кухне бабушку. Живую. Бабушка, которая умерла двадцать лет назад, спокойно протирает стол и говорит, что скоро придут гости.

Выйти из дома они не могут. Двери заперты. Окна не открываются. А бабушка всё повторяет: «Гости скоро. Помогите накрыть на стол»

Мальта .

Званный ужин

Глава 1.

Дорога была длинной и серой, как старая киноплёнка.

Лиза сидела у окна, прижавшись виском к холодному стеклу, и смотрела, как за ним проплывают поля — пустые, выцветшие, покрытые жухлой травой. Осень в этом году пришла рано. Или ей просто так казалось. В городе осень не чувствуешь — там есть асфальт, кофейни, свет фар. А здесь, за окном машины, всё было настоящим: и серое небо, и чёрные скелеты деревьев, и редкие дома, которые мелькали вдалеке и снова пропадали.

Дима вёл молча. Он всегда молчал, когда злился. А злился он с самого утра — с тех пор, как Лиза сказала: «Поехали сегодня».

— Могли бы в выходные, — сказал он наконец, не отрывая глаз от дороги. — Не горит.

— Горит, — ответила Лиза. — Чем быстрее решим, тем быстрее разведемся.

Он хмыкнул. Ничего не сказал. Только крепче сжал руль — так, что костяшки побелели.

Лиза отвернулась к окну. Ей не хотелось ссориться. Сил на ссору не было. Последние месяцы они только и делали, что ссорились — из-за квартиры, из-за денег, из-за того, кто кому что должен. Брак умирал долго и мучительно, как умирает всё живое, за которым перестали ухаживать. А теперь осталось только поделить имущество. И разойтись.

Квартира была их главным спором. Двушка в спальном районе, купленная в ипотеку, выплаченная наполовину, с ремонтом, который они делали вместе — смеясь, ссорясь, выбирая плитку, обои, светильники. Тогда им казалось, что это навсегда. Теперь это была просто недвижимость. Метры. Доли. Деньги.

Лиза предложила решение неделю назад. Дом. Бабушкин дом в деревне. Она давно о нём не вспоминала — с тех пор, как бабушка умерла, а может, и раньше. Дом стоял пустой, запертый, забытый. Лиза не могла заставить себя туда поехать. Не понимала почему.

А теперь — предложила. Отдать Диме дом. Вместо доли в квартире. Он сначала не поверил. Потом засмеялся. Потом

сказал: «Поехали посмотрим. Если дом нормальный — я в деле».

И вот они ехали.

— Далеко ещё? — спросила Лиза.

— Сто километров где-то. — Дима глянул на навигатор.
— Через час будем.

Лиза кивнула. Закрыла глаза.

В памяти всплыло что-то смутное. Бабушка. Её руки — сухие, тёплые, в трещинках. Запах пирогов. Скрип половиц. Голос, который пел что-то тихое, когда Лиза засыпала. Ей было лет пять, может, шесть. Мама привозила её на лето. А потом — перестала. Лиза не помнила почему. Просто однажды лето закончилось, и они больше не приехали. Бабушка звонила, писала письма — старомодные, в конвертах, с кривыми буквами. Лиза отвечала редко. Потом бабушка умерла. Лиза не поехала на похороны. Сказала — работа. Сказала — не могу. А на самом деле — боялась. Сама не знала чего.

Дом остался. Как память. Как долг. Как что-то, что она всё время откладывала на потом.

— Ты вообще там была? — спросил Дима, будто прочитал её мысли. — Ну, в этом доме.

— В детстве. Давно.

— И что там?

Лиза пожала плечами.

— Не помню. Деревня как деревня. Печка. Сарай. Колодец.

— А бабушка твоя? Какая она была?

Лиза помолчала. Вопрос был простой, но ответ почему-то не приходил. Она видела бабушкино лицо — смутно, как сквозь мутное стекло. Морщины. Платок. Глаза — светлые, внимательные. Но не могла вспомнить ни одного её слова. Ни одного разговора. Только ощущение — тёплое, тянущее, как будто бабушка всегда смотрела на неё чуть дольше, чем нужно.

— Хорошая, — сказала она наконец. — Тихая. Мама с ней не ладила.

— Почему?

— Не знаю. Мама вообще со всеми не ладила.

Дима усмехнулся. Ничего не сказал. Включил радио — тихо, чтобы не молчать. Заиграла какая-то старая песня, которую Лиза слышала в детстве. Она не помнила слов. Но мелодия застряла где-то под рёбрами — тянущая, печальная, как будто прощание.

За окном потянулись леса. Тёмные, густые с просветами. Дорога сузилась, пошла вниз, потом вверх. Навигатор пискнул: «Через пятьсот метров поверните направо».

— Сворачиваем, — сказал Дима.

Лиза выпрямилась. Посмотрела вперёд.

Поворот был неприметный — съезд с трассы, гравийная дорога, уходящая в лес. На обочине стоял покосившийся указатель. На нём — выцветшими буквами — название деревни. Лиза прищурилась, пытаясь прочитать. Буквы расплывались.

— Что там написано? — спросила она.

Дима глянул мельком.

— Не разобрать. Какая-то... «Заречье»? Или «Затишье»?

— Странно. Я не помню такого названия.

— Ты вообще ничего не помнишь, — сказал Дима и повернул.

Машина съехала на гравий. Колёса зашуршали. Лес сомкнулся вокруг — плотный, тёмный, безмолвный. Лиза вглядывалась в него, но не видела ничего, кроме стволов и веток. Ни птиц. Ни зверей. Ни даже ветра — листья не шевелились.

Стало тихо. Так тихо, что она услышала собственное дыхание.

— Дима, — сказала она тихо.

— Что?

— Ты не находишь, что здесь... странно?

— В смысле?

— Не знаю. Слишком тихо.

Он хмыкнул.

— Деревня. Логично.

Лиза не ответила. Она смотрела на дорогу впереди — серую ленту, уходящую вглубь леса. И ей вдруг показалось, что они едут не в деревню. А куда-то ещё. Куда-то, откуда нет возврата.

Но она не сказала этого вслух. Дима бы засмеялся.

А она не хотела, чтобы он смеялся.

Через десять минут лес расступился. Показались дома — тёмные, приземистые, с закрытыми ставнями. Ни людей на улице. Ни собак. Ни дыма из труб. Деревня как будто вымерла.

— Приехали, — сказал Дима и заглушил двигатель.

Тишина стала абсолютной.

Лиза смотрела в окно. Где-то там, за поворотом, стоял бабушкин дом. Она чувствовала его — как чувствуешь приближение грозы. Что-то тянуло её вперёд. И что-то кричало:

«Не ходи».

Она открыла дверь и вышла.

Воздух был холодный. Пахло сыростью и чем-то ещё — сладковатым, тяжёлым, как будто где-то рядом гнило что-то большое.

— Ну что, — сказал Дима, выбираясь следом. — Идём смотреть твоё наследство.

Лиза кивнула.

И они пошли.

А дом ждал.

Глава 2.

Дом стоял на отшибе, в конце улицы, за высоким забором из почерневших досок. Лиза помнила его другим. В детстве он казался ей огромным — почти дворцом. А сейчас, когда она смотрела на него сквозь щель между досками, он был просто домом. Крепким, приземистым, с широкими окнами, закрытыми ставнями, и высокой трубой, над которой не вился дым.

— Ну, ничего себе, — сказал Дима. — Я думал, будет хуже.

Лиза промолчала. Она смотрела на калитку — ржавую, перекошенную, но всё ещё на петлях. Ни замка, ни цепи. Просто калитка.

Дима толкнул её. Калитка скрипнула — протяжно, как стон, — и открылась.

Двор был заросший. Трава по колено, кусты разрослись, яблоня в углу стояла чёрная, без листьев, хотя осень только началась. Никаких следов. Ни дорожек, ни тропинок. Всё затянута бурьяном, как будто здесь годами не ступала нога человека.

— Ну и джунгли, — сказал Дима. — Хорошо, что не змеи.

Они пошли к дому, продираясь сквозь траву. Лиза чувствовала, как мокрые стебли хлещут по ногам, как цепляются за одежду. Дом приближался. Он был тёмный, молчаливый, с закрытыми ставнями. Никакого движения. Никакого звука.

Крыльцо. Три ступени, деревянные, разошедшиеся. Лиза поднялась первой. Дверь была заперта — на один замок, ста-

рый, навесной, покрытый ржавчиной. Замок висел криво, как будто его повесили в спешке. Лиза взялась за него. Дужка была холодная, шершавая. Она дёрнула. Замок поддался — не сразу, с усилием, — и упал в ладонь. Тяжёлый. Ржавый. Ключа не было. Как будто его просто забыли.

— Хорошая охрана, — усмехнулся Дима. — Даже интересно, что внутри.

Лиза толкнула дверь. Та открылась с натугой — петли заржавели, — но открылась. Внутри было темно. И пахло — пылью, сыростью, старым деревом. И чем-то ещё. Чем-то, что Лиза не могла назвать. Она замерла на пороге.

— Ты чего? — спросил Дима за спиной.

— Ничего. — Она перешагнула порог. — Просто... пахнет.

— Чем?

— Старьём.

Она не сказала правду. Правда была в том, что запах был знакомый. Тёплый, сухой, как будто здесь когда-то пекли хлеб. Как будто здесь жили. Но это было давно. Очень давно.

Коридор был узкий, с низким потолком и половицами, которые скрипели под ногами. На стенах — выцветшие обои в мелкий цветочек, местами отклеившиеся, свисающие клочьями. Пыль лежала толстым слоем на всём: на полу, на подоконниках, на гвозде у входа. Лиза провела пальцем по стене — остался след. Годы. Может, десятилетия.

— Ничего себе, — сказал Дима. — Тут лет десять не убрали.

Лиза кивнула. Она смотрела на гвоздь у входа. На нём ничего не висело. Просто гвоздь. Вбитый в стену, тёмный, забытый. Она почему-то смотрела на него дольше, чем нужно. Как будто там должно было что-то быть. Но что — она не помнила.

Пошли дальше. Кухня. Большая печь, выбеленная, с чугунками в ряд. Стол — деревянный, массивный, накрытый скатертью. Скатерть была серая от пыли, с пятнами, с бахромой по краям. На столе — ничего. Пусто. Только пыль. На плите — чайник. Старый, эмалированный, с облупившейся краской. Лиза дотронулась до него. Холодный. Пустой.

На стене у печи висел фартук. Тёмно-синий, в белый горошек, с карманом. Простой, рабочий. Он висел криво, на

одном гвозде, как будто его сняли в спешке и забыли. Лиза посмотрела на него. Потом отвернулась.

Комната была большая, с двумя окнами, закрытыми ставнями. Кровать — широкая, деревянная, с высокими подушками. Комод у стены. Шкаф. Стол у окна. На столе — фотография в рамке.

Лиза подошла. Взяла рамку. Стекло было мутное, покрытое пылью. Она протёрла его ладонью.

С фотографии смотрела бабушка — молодая, лет сорока, с длинной косой и строгим лицом. Рядом — девочка. Маленькая, лет пяти. Светлые волосы, кукольное платье, испуганные глаза. Лиза узнала девочку. Это была она. Только не помнила этот день. Не помнила, чтобы её фотографировали здесь. Не помнила, чтобы бабушка была молодой.

Она перевернула рамку. На обороте — надпись, кривыми буквами, выцветшими чернилами:

«Лиза, 1999».

1999 год. Ей было пять. Мама привезла её на лето. Это было последнее лето, которое она провела здесь. Почему последнее? Что случилось?

Она не помнила.

— Нашла что-то? — Дима вошёл в комнату.

— Фотографию. — Она показала ему. — Бабушка и я.

Он подошёл, посмотрел.

— Ну, нормальная фотка. Ты милая.

— Я не помню этот день, — сказала Лиза тихо. — Я вообще ничего здесь не помню. Как будто... как будто этого не было.

Дима посмотрел на неё. Впервые за долгое время — без раздражения. С чем-то похожим на жалость.

— Может, оно и к лучшему, — сказал он. — Некоторые вещи лучше не помнить.

Лиза хотела спросить, что он имеет в виду. Но не успела. Ставня на окне дрогнула. Сама по себе. Как будто за окном кто-то стоял.

Она обернулась. За окном — ничего. Только серое небо и

ветка яблони, чёрная, без листьев.

— Ветер, — сказал Дима.

— Да, — ответила Лиза. — Ветер.

Она поставила рамку обратно на стол. Но что-то внутри неё не хотело отпускать эту фотографию.

Они осмотрели остальные комнаты. Спальня бабушки — маленькая, с железной кроватью и иконой в углу. Странно — Лиза думала, что бабушка не держала икон. Но икона была. Тёмная, старая, с потрескавшимся лаком. На ней — лик, который невозможно было разобрать. Лиза перекрестилась — сама не поняла зачем. Дима хмыкнул.

Вторая комната — детская. Кровать, стол, полка с книгами. Лиза провела пальцем по корешкам. Сказки. Пушкина. Андерсен. Она помнила эти книги. Помнила, как бабушка читала их вслух. Но не помнила слов. Не помнила голоса.

Время шло. За окнами темнело. Они проголодались — взяли с собой бутерброды, но есть в доме не хотелось. Дима предложил съездить в магазин, но Лиза сказала, что деревня пустая, магазина тут нет. Он не поверил, пошёл проверить. Вернулся через двадцать минут, мрачный.

— Никого, — сказал он. — Ни одной живой души. Дома стоят, а людей нет. Как будто вымерли.

— Может, они в город уехали. На работу.

— Все?

Лиза не ответила.

Они решили остаться на ночь. Дима сказал — смысла ехать обратно нет, а утром посмотрят ещё раз и поедут домой. Он не хотел признаваться, но Лиза видела: дом ему понравился. Крепкий, большой, с участком. В городе за такие деньги ничего не купишь.

Они постелили в большой комнате. Взяли постельное бельё из шкафа — чистое, пахнущее лавандой. Лиза легла первой. Дима ещё ходил, проверял двери, окна. Вернулся, лёг рядом.

— Станный дом, — сказал он тихо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.